

С.Н. Третьякова

Военная тема на страницах журнала «Летопись»

Мировая война оказала серьезнейшее влияние на состояние всего русского общества, вызвала – по крайней мере в начальный период – почти всеобщий патриотический подъем. И в центре этого, естественно, находилась печать. Многие издания активно включились в разработку военной тематики. Практически единственным солидным журналом, последовательно выступавшим против войны, стала «Летопись». Журнал был создан по инициативе А.М. Горького, который воспринимал войну как главного врага культуры.

История журнала не обойдена вниманием исследователей, которых привлекала и фигура самого писателя, и направленность материалов издания. Но большинство этих работ, написанных еще в советский период, «портят» идеологические установки, что вполне объяснимо. Это очень ярко видно по той характеристике, которая была дана журналу в многотомной «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг. и где утверждалось, что «интернационализм “Летописи” был половинчатым, ограниченным, трусливым», а «разоблачение империалистического характера мировой войны производилось крайне нерешительно» [ЛЭ, с. 340]. Отметим содержательную статью о журнале Т.Н. Дубинской, а из работ последнего времени – серию статей Е.Н. Никитина.

Думается, что пора уходить от оценочных суждений о том, правильно или нет понимали сам Горький и другие сотрудники журнала тогдашнюю ситуацию. Важно, что Горький смог объединить вокруг своего издания единомышленников. Важно, что журнал Горького был практически единственным, в котором не только не поддерживали, но и осмеливались критиковать патриотические

призывы. Для этого необходимо было и определенное мужество, когда со всех сторон громко звучали шовинистические лозунги. Война фактически расколола российское общество, и нередко бывшие единомышленники и соратники оказывались по разные стороны идеологической борьбы. Хотя в итоге, может быть, этот раскол и стал главной причиной поражения России в войне.

Вообще, сам вопрос об отношении к мировой войне очень сложный и неоднозначный. Для одних речь шла о защите Отечества и «войне до победного конца» (отсюда и искренний патриотизм), другие воспринимали войну только как разрушительную силу, для третьих победа в войне или даже поражение в ней были способом достижения своих политических целей. Имеется в виду Циммервальдская конференция (сентябрь 1915 г.), которая выступила против социал-шовинизма и начавшейся мировой войны, определив ее характер как империалистический. На конференции был принят манифест с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Ряд делегатов поддержали идею В.И. Ленина о поражении своих правительств в войне, что ускорило бы победу социалистической революции в России, а затем и в мире. Эти взгляды, получившие название «пораженческих», разделяли не только сторонники В.И. Ленина, но и некоторые умеренные представители освободительного движения. Но «пораженцами» нередко называли и тех, кто просто выступал против войны как таковой.

Первый номер «Летописи» вышел в свет в декабре 1915 г., хотя замысел подобного издания возник у Горького гораздо раньше. Писатель не мог остаться в стороне от этой мировой проблемы. В письме одному из своих корреспондентов он писал: «...сейчас необходим орган, который питал бы провинцию и вообще Русь идеями, способными организовать общественное самосознание. Война, несомненно, усилит националистические настроения и мысли правящих классов, но можно ожидать, что она понизит национальный шовинизм демократии... И разбиваться нам в разных работах не время. Напротив, следует объединиться на одном деле» [Дубинская, с. 202].

По своему типу «Летопись» была обычным «толстым» изданием с отделом беллетристики, научным отделом, внутренним

обозрением, библиографией и т. д. Традиционные отделы иногда исчезали, появлялись новые, но тип журнала не менялся [Махонина]. Тираж составлял 10–12 тыс. экземпляров [Захарова]. Журнал издавался два года, половина этого периода была окрашена другим важнейшим событием – Февральской революцией, занявшей первое место на страницах печати. Очевидно, издание в этот момент начало испытывать определенные трудности, в том числе и финансовые: в 1917 г. стали выходить сдвоенные и даже строенные номера. К тому же журнал не успевал за быстро меняющейся ситуацией в стране. В этих условиях Горький переключился на издание газеты «Новая жизнь». Со временем доля публицистических материалов будет уменьшаться и соответственно увеличиваться литературный отдел.

Официально издателем «Летописи» по документам числился А.Н. Тихонов, а редактором А.Т. Радзишевский (Р. Арский). Горький руководил беллетристическим отделом [Дубинская, с. 203–204]. Но как вспоминал Радзишевский (Арский), именно Горький «был центром и душой всего предприятия. Если бы его изъяли даже на время, если бы тогда он не мог почему-либо работать, журнал несомненно захирел бы и развалился. В наиболее тяжелые моменты Горький поддерживал и утешал всех» [Арский, с. 330].

Горький привлек к сотрудничеству лучших российских и иностранных литераторов, среди них И. Бунин, А. Блок, В. Шишков, К. Тренев, И. Вольнов, В. Маяковский, Ф. Гладков, А. Чапыгин, Р. Роллан, Б. Шоу, Г. Уэллс, А. Франс, М. Гольдшмит, Э. Штильгебауэр и др. Публицистическую работу в «Летописи» вели А. Богданов, Н. Суханов, В. Базаров, Б. Авилов, С. Вольский, Р. Арский, А. Ерманский, А. Никитский и др. (напомним, что большинство авторов печатались под псевдонимами). Они представляли разные партии и течения, но их сближало отношение к войне. Сам Горький не относил себя к талантливым публицистам, но иногда и он не мог остаться в стороне. В первом же номере «Летописи» он поместил статью «Две души», которая вызвала бурное обсуждение и возмущение взглядами Горького на русский национальный характер и культуру. Но так как об этом уже очень много написано, мы не будем еще раз рассматривать эту тему.

Первый – декабрьский – номер был особенно показательным и должен был дать читателю полное представление о направлении журнала. Помимо литературных сочинений и уже упомянутой статьи Горького, в первой книжке редакция поместила еще несколько публицистических материалов, среди них «Единство культуры и национализм» (В. Базаров), «Дорожный разговор» (В. Плуталов), где в беседе попутчиков проявлялись разные точки зрения на тему, а также памфлет «Нужны ли убеждения?». В последнем критиковался «оборонческий патриотизм» социалистов, которые отказались от идеи пролетарского интернационализма и предпочли «соединиться» со «своими» правительствами, развязавшими войну. Памфлет также вызвал шумную реакцию и возмущение.

Просматривая в наши дни, спустя почти столетие, номера журналов, на первый взгляд и не скажешь, что это «пораженческий» журнал, как его традиционно принято характеризовать. Но не надо забывать об общественных настроениях и условиях того времени, особенно о цензуре. Ряд статей просто не допускался к печати, другие содержат большие купюры. Поэтому прямых призывов к осуждению войны и тем более к «поражению» быть не могло. Многие материалы содержат завуалированное отрицательное отношение к войне. Корреспонденты «Летописи» не вели «репортажей из окопов», чтобы показать весь ужас «мировой бойни» (да у них и не было такой возможности). Но очерки о жизни в условиях военного времени, конечно, есть: «Бытовые штрихи (письмо из Рима)» (Р. Григорьев); «Набеги цеппелинов (над Парижем)» и «В лагерной стоянке» (Е. Панн); «Мобилизация, да не та» (А. Ерманский); «Балканская Голгофа» (В. Калинин); «Из Франции. В рабочей толпе» (Н. Егоров) и др.

В статье С. Лурье, например, рассматривались вопросы войны и мира на примере древнегреческих войн. В исторической статье можно было прямо говорить, что «война не только преступна: она еще и бессмысленна, так как решительно ничего не разрешает». И ссылаться на Аристофана, который осуждал войну [1916, № 6, с. 184–202]. А. Лозовский использует для этого французскую литературу. И знакомит читателя с вопросами, которые обсуждаются на страницах союзной периодической печати. Эти вопросы

касаются будущего Европы: «...как обезопасить Европу и все цивилизованное человечество от повторения в будущем страшного кровавого побоища, унесшего миллионы молодых и цветущих жизней? Как наказать виновников и зачинщиков мировой войны, чтобы отбить у них на долгие годы охоту пускаться в кровавые авантюры, нарушая законы нравственности и права?» [1915, декабрь, с. 208].

Как вспоминал Арский, Горький «старался подбирать материал таким образом, чтобы всегда и неизменно проводилась мысль о необходимости борьбы с войной и противодействия ей. Все заметки и рассказы служили этой основной цели. Само собой разумеется, все они подвергались постоянным наскокам со стороны цензуры». Так как острая публицистика имела мало шансов пройти через цензуру, приходилось прибегать к косвенным методам. Арский отмечал, что они в отделе публицистики «решили пользоваться каждой возможностью, каждой заметкой, чтобы подчеркивать свое непримиримое отношение к войне, при помощи цифр и фактов доказывать ужас войны и ее преступления. При этом мы резко отмежевались от других журналов, которые старались доказать, что во всем виноваты только немцы» [Арский, с. 328]. Цензурное ведомство уже было готово закрыть издание, но Февральская революция помешала.

В кратком обзоре невозможно рассмотреть все, что печаталось в журнале на тему войны, – это и литературные произведения, и большие публицистические циклы статей, и репортажи из других стран. Все, что писалось о жизни современной России, так или иначе имело отношение к войне, в условиях которой жила страна. Война наложила свой отпечаток на все: экономику, политическую и общественную жизнь, культуру и литературу. Несмотря на интернациональный характер издания, главной, на наш взгляд, была тема России. Многие публикации международного характера прямо или косвенно наводили читателей на мысли о сравнении с Россией. И даже сериал «Письма знатного иностранца» В. Симпльтона [1916, № 4–7] был пародией на тот образ «Святой Руси», который стал очень популярным в годы мировой войны в союзной Великобритании.

Серию публицистических статей, в которых последовательно рассматривались вопросы о происхождении войны, интересах России в этой войне, отношениях между Россией и ее союзниками написал для журнала Н. Суханов [1916, № 2–5]. Если либеральная буржуазная печать приветствовала союз с европейскими демократиями, которые видели в таком сближении условие для политических реформ и преобразований в России, то в «Летописи» проводилась мысль об экономической выгоде для Англии и Франции союза с Россией. Автор убеждал читателей, что промышленный капитал Англии и Франции «лихорадочно готовится к тому, чтобы занять место Германии на всех ее внешних рынках и в том числе в России. С самого начала войны об этом говорит вся союзная пресса. Война, однако, не создала такого настроения, а скорее была создана им. Война только развязала языки и обнаружила истинные стремления западноевропейской буржуазии. ...Сначала все эти планы были густо окутаны *политическим* флером и проводились в плоскости борьбы с “германизмом”. Затем чисто экономическая их сущность стала обнаруживаться уже без всяких прикрас» [1916, № 4, с. 192–193].

В области материальных интересов «война несет нам одни жертвы, но не выгоды», был уверен публицист. Таких же взглядов придерживался и сам Горький. Отвечая на полемику, возникшую по поводу его статьи «Две души», в «Письмах к читателю» он еще раз заметил, что «английские капиталисты рассматривают Русь как Африку, Индию, как будущую ее колонию» [1916, № 3, с. 173].

Очень много статей посвящено экономическому состоянию России, что видно даже по перечислению названий: «Дороговизна» (Н. Рожков); «Заработная плата в военное время» (Р. Арский); «Война и наша валюта» (Г. Зеземан); «Война и народное хозяйство» (Б. Авилов); «Новые прямые налоги», «Война и биржа», «Бюджет 1917 года» (все – А. Никитский); «О спекуляции» (И. Давидзон); «Алчущие и жаждущие: (Продовольственный кризис и кризис общности. Пьяный вопрос)» (С. Вольский) и др. И все эти авторы приходят к заключению о негативном в целом воздействии войны на экономику России.

Б. Авилов в статье «Война и народное хозяйство» настаивает на том, что война – это «колоссальная непроизводительная затра-

та продуктов народного труда». Капиталы, затраченные на нужды войны, не способствуют образованию новых ценностей, а извлекают из хозяйственного оборота ценности, созданные раньше. Тот громадный спрос, который испытывает армия на предметы потребления, не обуславливает создания новых ценностей в других отраслях труда, так как все эти затраты оплачиваются не из текущего дохода народного хозяйства, а из средств казны. А военные затраты казны представляют собой расходование национального капитала, накопленного за ряд лет [1916, № 1, с. 361–362].

В. Базаров в статье «Текущий момент и перспективы» констатирует, что начинает рассеиваться тот угар, который вот уже несколько месяцев отравлял мысль нашего «общества». Точных данных относительно размера тех опустошений, которые произвела война, нет. Но опыт предыдущих войн (Русско-японской и др.) показывает, что «ликвидация войны», т. е. расходы, связанные с возвращением страны к «нормальному» состоянию, обыкновенно значительно превышают стоимость самой войны. Но ни одна из прежних войн не затрагивала так глубоко народного хозяйства, не производила таких гигантских разрушений в экономике воюющих стран, как нынешняя «война народов» [1916, № 5, с. 162–164].

Размышляя об экономических проблемах и трудностях, вызванных войной, авторы естественно рассматривают и то, как в России эти проблемы решаются. При этом реальная ситуация опровергла бытовавшие ранее убеждения, что «Россия, обладающая в изобилии хлебом и всеми необходимыми сырыми материалами, легче может перенести бремя войны, чем западноевропейские державы, нуждающиеся в привозном сырье». В результате речь ведется не только о неготовности, но и о неспособности правительства и всего общества к их быстрому и эффективному решению. И тема войны, таким образом, переходит в тему судьбы России...

По мнению С. Вольского, «современный продовольственный кризис – это прежде всего кризис экономической организации, обслуживающей нужды страны, кризис тех административных, общественных и частно-предпринимательских органов, которые ведают распределением продуктов». Если страна, импортирующая продукты, неспособна целесообразно распределять их, – это

значит, что она не может приспособиться к новым условиям, не обладает достаточной гибкостью, слаба и несовершенна в своей организации. Под организацией автор понимает «общественность в самых разнообразных ее проявлениях. Земства, кооперативы, профессиональные союзы, кредитные общества, клубы, даже кружки самообразования – все это социальные ячейки, в обычное время выполняющие специфические задачи, но в исключительный момент могущие сослужить огромную службу в сфере общенациональных вопросов и нужд». Страна, в которой эти ячейки развиты и привыкли к свободной деятельности, окажется несравненно гибче, чем страна, в которой они слабы и немногочисленны [1916, № 2, с. 264–265].

Как видно, война проявила слабые места российской жизни, которые сейчас стали особенно очевидны – неспособность организовать продовольственное снабжение, слабость «гражданского общества» на местах, серьезные различия жизни в столицах и провинции, особенно отдаленной, их отношение к насущным проблемам времени. Спустя несколько месяцев об этом же писал М. Петров, отмечая, что «хозяйственная разруха застала наши муниципалитеты врасплох. Городские думы, “не предвидевшие” неминуемого хозяйственного расстройств в начале войны и не предпринимавшие *никаких* мер для предотвращения тяжелых последствий в тылу, столь же мало отзывчивы оказались и в тот момент, когда эти “последствия” были налицо. Равнодушие городских дум отмечалось в печати в разных концах России» [1916, № 11, с. 280].

А. Ерманский также согласен с тем, что «лицом к лицу с этим кризисом наша российская отсталость выступила еще более выпукло». Но война оказывала и другое воздействие. Она ускорила развитие общественно-политического сознания. Если в Севастопольскую кампанию принято было считать месяц за год, то теперь, в период мировой войны можно считать месяц за десятилетие. «Но результаты этого процесса, так сказать, интенсификации нашей общественно-интеллектуальной культуры могут сказаться лишь впоследствии. Теперь же мы имеем пред собою лишь быструю смену фазисов мобилизации верхних слоев нашей общественности. И явный смысл этой смены – тот, что мобилизация в

общем выдыхается, сводится на *нет*. Еще и года не прошло, как началась она на съезде промышленников в конце мая, а уже изжили себя чуть не все ее формы, – вплоть до прогрессивного блока – “парламентской” разновидности той же мобилизации общественных верхов» [1916, № 7, с. 257].

Война ускорила и мировое развитие в целом. О «новой Европе» пишет С. Вольский. Мировая война, будучи результатом предыдущего экономического процесса, не меняет его направления, а лишь до чрезвычайности ускоряет его темп. То, что при нормальных условиях было бы совершено в десятилетия, осуществляется в течение месяцев. «На взбаламученной поверхности национальной жизни внезапно появляются новые государственно-правовые формации, кажущиеся как будто временными и случайными, на самом же деле знаменующие переход к новому строю общественных отношений. Прекратится война, может быть, даже будут перекованы мечи на серпы, – но эти формации останутся жить и наложат свой отпечаток на все перипетии социально-политической борьбы ближайшего будущего». Новой Европе придется считаться с «взращением индустриально-финансовой аристократии, заменяющей или по крайней мере стремящейся заменить демократию – олигархией, полного человека – “частичным человеком”, парламентаризм – просвещенной диктатурой вождей-специалистов» [1916, № 1, с. 248]. И после войны возврата к «старым очагам и старым идолам» не произойдет, уверен автор. И он окажется прав.

Большинство исследователей высоко оценивают антимилитаристическую деятельность горьковского журнала, отмечая, что он стал «главной легальной трибуной антивоенных идей на русской почве», «оставил значительный след в русской журналистике и истории общественной мысли своего времени», «получил признание у свободомыслящих людей» и т. п.

Авторы-публицисты последовательно показывали, к каким последствиям война может привести и приводит: рост цен, инфляция, чрезмерные затраты и неизбежный грядущий кризис, отсутствие политических и экономических выгод для России в этой войне, «лукавство» союзников, необходимость и неизбежность внутренних перемен. Именно на это и была нацелена деятельность жур-

нала «Летопись». Материалы заставляли задумываться о будущем страны.

В начальный период войны «пораженчество» большинством общества воспринималось как «измена». Однако с ходом войны общественные настроения стали меняться, и лишь на последнем этапе эти идеи начали находить отклик, особенно в армии, уставшей от длительной войны и поражений. Не думаем, что именно «пораженческая» деятельность журнала привела страну к революции 1917 г. и падению самодержавия. Причины всего произошедшего в этот период в нашей стране гораздо глубже, но то, что в этом «виновата» война, против которой и выступали «летописцы», сомнений не вызывает.

Литература

- Арский Р. М. Горький во время войны 1914 г. // Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 327–334.
- Бережной Л. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.
- Дубинская Т. Н. Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917 гг. Большевицкие и общедемократические издания. М., 1984. С. 202–227.
- Епанчин Ю. Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны <http://www.sgu.ru/files/nodes/9850/06.pdf> (дата обращения 26.09.2012).
- Захарова М. В. «Летопись», журнал // Энциклопедический словарь Петербурга. <http://encspb.ru/object/2804027731?lc=ru> (дата обращения 25.10.2012).
- Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1932. Т. 6. С. 339–341.
- Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. <http://evartist.narod.ru/text1/93.htm> (дата обращения 26.09.2012).
- Никитин Е. Н. Журнал А. М. Горького «Летопись» // Библиография. 2011. № 4, 5, 6; 2012. № 1.
- Нинев А. М. Горький и «Летопись» // Нева. 1966. № 1. С. 176–181.